

Мир ловил меня...

“Мир ловил меня, но не поймал”, – говорил в конце своей диковинной жизни украинский бродячий философ Григорий Сковорода. Многие из выдающихся людей могли бы подписаться под этой фразой, но, увы, лишь под первой его частью. Не всем удается убежать от мира. Иных он ловит и безжалостно искореняет. Одним из таких, попавшихся в тенета мира, был новокузнецкий архитектор Борис БАЛЕЕВСКИЙ. Завтра исполнится 40 дней, как он, уставший отстаивать свои честь и достоинство, бороться за элементарное физическое существование, ушел из этого мира. Памяти самобытного архитектора и человека и посвящается эта публикация.

“Уважаемая редакция газеты “Кузнецкий рабочий”. Будьте добры, помогите мне отстоять мою честь и достоинство человека и гражданина, российского архитектора, новокузнецчанина, наконец”.

Это начало обширного письма, которое Борис Афанасьевич принес в нашу редакцию в январе 2007 года. Над ним тогда нависла угроза подвергнуться без его согласия обследованию в городской психиатрической лечебнице. Инициатором обследования выступили родственники Балеевского, их поддержал участковый врач-психиатр, а суд в отсутствие Бориса Афанасьевича их объединенное ходатайство удовлетворил. Архитектору Балеевскому шел тогда 69-й год, он был в здравом уме и ясной памяти и писал книгу о проектировании и строительстве Новокузнецка в 1929 - 1950-е годы.

Нам удалось помочь Борису Балеевскому избежать психиатрического обследования. Суд отменил собственное решение, психиатры оставили Балеевского в покое. В ходе работы над редакционной статьей мы часто встречались и подолгу разговаривали. Балеевский обладал огромными познаниями в области архитектуры, а такого обширного архива, который собрался у него в процессе подготовки книги, нет, пожалуй, ни у кого из новокузнецких специалистов. Тогда же мы предложили ему написать воспоминания о своей жизни.

Они лежат передо мной, эти исписанные мелким “чертежным” почерком страницы.

Родился в 1938 году в семье инженера-коксохимика. Мама была активисткой-общественницей, секретарем совета жен инженерно-технических работников, председателем которого была жена директора КМК Бутенко. Наиболее яркие детские воспоминания - олады “тошнотики” из картофельных очисток, похожий на замазку хлеб из муки с отрубями, пустые щи из лебеды, зеленая ранетка.

Отец, заядлый охотник, в редкие выходные уходил на охоту. Возвращался иногда с добычей, иногда без, но всегда с кусочком завернутого в тряпицу хлеба - “подарком от лисички”.

Рабочая биография Балеевского началась в 1958 году. Был слесарем, строгальщиком, лаборантом. Младшим научным сотрудником в ВУХИНе. Мечтал стать архитектором. В 1964 году мечта начала сбываться. Его приняли архитектором в “Сибпромстройпроект”. У него не было не то что архитектурного, вообще никакого специального образования, а он уже через два года стал старшим архитектором - вначале в мастерской у В.М. Вальцфогеля, а потом и у знаменитого А.М. Нухмана. С 1966 по 1968 годы работал в институте “Кемеровогражданпроект” старшим архитектором. А в 1968 году из города Владимира Балеевскому пришлось приглашение работать в институте “Владимиргражданпроект” главным архитектором проекта. А ведь это была Европа! 180 километров от Москвы. Это был знаме-

нитый центр древнерусского зодчества со своими традициями. Архитектор-самоучка из мало кому известного сибирского города на должности ГАПа - это было что-то невероятное.

Но Владимир не был конечной точкой в мечтаниях Балеевского. Конечной точкой был МАРХИ - знаменитый Московский архитектурный институт, получить диплом которого мечтали, наверное, все, в ком горела живая архитектурная искра. И хотя профессиональный рост во Владимире продолжился с новой силой (Балеевский вскоре стал начальником сектора технической эстетики и архитектурного проектирования Центрального проектно-конструкторского технического бюро Среднего машиностроения, проектировал интерьеры административных зданий и комплекс экспериментальных сооружений), Москва влекла с неизбывной силой.

Друзья в Москве, с которыми встречался во время частых командировок, посоветовали переехать в Ярославль. Весной 1970 года перебрался туда руководителем бригады архитектурного проектирования филиала Московского ГПИ-6. А уже осенью с папкой фотографий собственных работ ехал в Москву, в архитектурно-проектную мастерскую имени академика В.А. Веснина. Вот как вспоминал об этом сам Балеевский:

“Прохожу в кабинет главного инженера: “Я архитектор Б.Б. по вопросу...” Тот, немного послушав, переключивая мои фотографии:

“Сергей Евгеньевич, это к вам”. Поворачиваюсь в сторону того, к кому обращается главный. В глубине комнаты стоял письменный стол, за которым сидел сухопарый старец с выразительным лицом и что-то рисовал. Двинулся к столу старца. Старец привстал, протянул руку с длинными пальцами: “Сергей Евгеньевич Вахтангов, главный архитектор АПМ”.

С.Е. Вахтангов - сын Евгения Багратионовича Вахтангова, окончил ВХУТЕМАС в мастерской братьев Весниных - принял меня на работу в АПМ на должность старшего архитектора (“Вы же из провинции и без диплома”, - пояснил С.Е.). АПМ имени академика В.А. Веснина очень высоко котирировалась в 1970-х годах. Я был счастлив...”

В мастерской С.Е. Вахтангова Борис Балеевский проработал 10 лет. За это время окончил два вечерних института: повышения квалификации архитекторов при Московской организации Союза архитекторов СССР и МАРХИ - Московский институт архитектуры.

Позже работал главным архитектором ОАО “Красный текстильщик” города Серпухова, в архитектурных мастерских “Моспроект-2” и в мастерской “Инпредпроект”. В 1994 - 1995 годах занимался научно-исследовательской деятельностью в Московском научно-исследовательском историко-архитектурном и археологическом центре г. Москвы. Президентом центра был внук поэта Бориса Пастернака тоже Борис Пастернак. Вернулся в Новокузнецк в 1995 году и начал работать в институте “Кузбассгражданпроект”. Этот период - с середины 1990-х до начала 2000-х годов - был весьма плодотворен для архитектора Бориса Балеевского.

В апреле 1995 года он вернулся, а уже в конце августа на Редаковском кладбище был открыт его первый объект - мемориал омовцам (совместно с архитектором Журавковым). В 1996 - 1997 годах Б. Балеевский разработал проект собора Веры, Надежды, Любви и матери их Софии для Заводского района (совместно с архитектором Журавковым). Одна из версий этого проекта воплотилась в Осинниках в виде собора Святого Ильи Пророка. За 1997-2001 годы архитектор Б. Балеевский разработал несколько версий ширококорпусных жилых домов системы “Madina” (совместно с архитектором Журавковым), которые успешно строятся в Новокузнецке и Абакане.

Балеевский участвовал в открытом конкурсе на лучший эскизный проект мемориала на братской могиле воинов, умерших в эвакуационных госпиталях Новокузнецка в 1941-45 годах. Он представил на конкурс два эскизных проекта, оба были отмечены премиями.

А теперь о том мире, который ловил Балеевского и... поймал его. Вернувшись в 1995 году в Новокузнецк, Балеевский узнал, что огромная родительская квартира в знаменитом 25-м доме на проспекте Metallургов продана родственниками. Его доли в этой

продаже не оказалось. Мать, как ему объяснили родственники, лишила его наследства. Балеевский не поверил и начал собственное расследование, обратившись за справедливостью в суд и прокуратуру. Ответом родственников стало ходатайство о его обследовании в психиатрической лечебнице. Мы уже рассказали об этом.

К чести родственников, вначале они не бросили Балеевского на произвол судьбы. Ему сняли квартиру, но в 2007 году, после судебных и прочих перипетий, перестали ее оплачивать. Известный архитектор остался без жилья. Он попробовал устроиться в пансионат для престарелых, ему отказали. Несмотря на то, что за него ходатайствовали известные в Новокузнецке ученые, священник и архитектор.

В итоге Балеевский оказался в хосписе. Он приезжал в редакцию и рассказывал, что нянечки говорят ему: “Это ты там был кем-то, а здесь ты никто”. За него вновь хлопотали, но безрезультатно. Молодые архитекторы “Кузбассгражданпроекта”, куда он часто заходил, обожали его. Слушали, открыв рот, его рассказы из собственной практики, подкармливали. Но почитание молодых не могло заменить государственной опеки.

Незадолго до смерти с Балеевским случилось происшествие: кто-то из подростков выстрелил в него из пневматического ружья. Случай получил огласку, с ним разбирались милиция. Главный врач хосписа, которому пришлось отвечать на вопросы дознавателя, начал готовить документы на выписку Балеевского. Говорил ему: “Весной я тебя выпишу”. Идти Балеевскому было некуда. Мир поймал его и не отпустил. И тогда Балеевский умер. Оказалось, что смерть - это единственный выход на свободу для таких людей, как архитектор Борис Балеевский.

Всю жизнь он украшал мир, строил дома и храмы. А ушел из него голым, сирым, отверженным. И, наконец, свободным. Бродячий философ Григорий Сковорода говорил по таким поводам так: “Тот ближе всех до неба, кому ничего не треба”.

Владимир Валиулин.
Фото из архива Б.А. Балеевского.